

КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК

И. М. ЕСИН

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЛЮДВИГА ФЕЙЕРБАХА

Серия II
№ 38

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва — 1954

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат философских наук
И. М. ЕСИН

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЛЮДВИГА ФЕЙЕРБАХА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва ★ 1954

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Новая площадь, д. 3/4.

Автор **Иван Матвеевич Есин.**

Редактор **Л. А. Завелев.**
Техн. редактор **П. Г. Ислентьева.**

А 06686. Подписано к печ. 26/X 1954 г. Тираж 167 000 экз. Изд. № 307.
Бумага 60×92 1/16 — 1 бум. л.=2 печ. л. Уч.-изд. 1,95 л. Заказ № 2731.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

Замечательный немецкий мыслитель-материалист Людвиг Фейербах вошел в историю философии как борец против идеализма и поповщины, как философ, восстановивший материализм в его правах, как непосредственный философский предшественник марксизма. Нужно представить себе исторические условия деятельности Фейербаха, чтобы оценить значение его философии.

Людвиг Фейербах родился 28 июля 1804 года в Лансгуте. Отец его, Ансельм Фейербах, был криминалистом. По окончании гимназии Л. Фейербах поступил в 1823 году на теологический факультет Гейдельбергского университета. Родители молодого Фейербаха хотели видеть в своем сыне теолога, но уже через год Фейербах поступает в Берлинский университет, чтобы изучать там у Гегеля философию. После защиты в 1828 году докторской диссертации на тему «Об едином, общем и бесконечном разуме», написанной в духе объективного идеализма своего учителя, Фейербах становится приват-доцентом философии в Эрлангене. В 1830 году появилось его произведение «Мысли о смерти и бессмертии», которое вызвало массовый протест со стороны теологов и церкви. Книга вышла анонимно, однако аноним был раскрыт. Книгу конфисковали, автора подвергли гонениям, навсегда лишив его университетской кафедры. В 1836 году Фейербах переехал в деревню Брукберг, где прожил до конца 1848 года (умер философ в Рахенберге 13 сентября 1872 года).

Живя в деревне, Фейербах целиком отдался литературно-философской деятельности. До 1839 года из-под его пера вышло много монографий и статей, посвященных главным образом истории философии. Все они были написаны в основном с позиций объективного идеализма Гегеля. Но в конце 1839 года появилась статья Фейербаха «К критике гегелевской философии», в которой он окончательно свел счеты со своим учителем и решительно перешел на сторону материализма.

В 1841 году вышло в свет произведение Фейербаха «Сущность христианства». «Надо было пережить освободительное действие этой книги, — писал Энгельс, — чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы

сразу стали фейербахианцами. С каким энтузиазмом приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него, несмотря на все критические оговорки, можно прочитать в «Святом семействе» [1].

Освежающее действие книги Фейербаха распространилось далеко за пределы Германии. О потрясающем впечатлении, которое произвела она на русские революционно-демократические круги, рассказывают в своих воспоминаниях П. В. Анненков и А. И. Герцен. Книга Фейербаха, по мнению Анненкова, быстро рассеяла все предшествовавшие ей идеалистические воззрения. Герцен отмечает, что под влиянием ее он написал ряд философских статей.

Материализм Фейербаха возник в 40-х годах прошлого столетия в Германии, как отражение конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями и как реакция на идеалистическую философию Гегеля и гегельянцев. В Германии назревала в то время буржуазная революция, которая должна была совершиться при более прогрессивных условиях и с более развитым пролетариатом, чем революция XVIII столетия во Франции. Революция в Германии неизбежно должна была быть буржуазно-демократической. Маркс и Энгельс предполагали, что она может стать непосредственным прологом пролетарской революции. Эти конкретно-исторические условия Германии того времени предъявляли материалистической философии требования — быть идеологическим знаменем борьбы революционных классов против феодально-дворянской аристократии. Материализм Фейербаха оказался не в состоянии удовлетворить всем этим требованиям, так как был непоследовательным. Вопрос об отношении мышления к бытию Фейербах решал в применении к объяснению природы материалистически, в применении к объяснению общества — идеалистически. В некоторых вопросах своего мировоззрения он сделал шаг назад даже по сравнению с французскими материалистами. Так, например, атеизм французских материалистов был более последовательным, чем атеизм Фейербаха, ибо если французские материалисты отвергали всякую религию, то Фейербах, отвергая существующие религии, придумывал вместо них свою, новую религию.

Однако к оценке исторических заслуг Фейербаха мы должны подходить с другим критерием. В. И. Ленин учит, что исторические заслуги определяются не тем, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а тем, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками.

Маркс и Энгельс писали о Фейербахе, что в своем решитель-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 348. Госполитиздат. 1952.

ном выступлении против Гегеля он противопоставил трезвую философию пьяной спекуляции. В. И. Ленин отмечал, что всемирно-историческое значение Фейербаха Маркс и Энгельс видели в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма. И. В. Сталин характеризует Фейербаха как философа, восстановившего материализм в его правах.

В борьбу за материализм, против идеализма Фейербах выступил в период господства в Германии идеалистической философии Гегеля, явившейся аристократической реакцией на французский материализм и французскую революцию. Исторической заслугой Фейербаха является, следовательно, и то, что он восстановил материализм в его правах в более сложной исторической обстановке, в борьбе с более сильными философскими противниками, чем это было в XVIII веке во Франции.

В. И. Ленин и И. В. Сталин характеризовали Фейербаха как одного из главнейших философских предшественников Маркса и Энгельса. В этом историческое значение Фейербаха, с этой стороны он привлекает наше внимание.

Значение материализма Фейербаха велико не только для уяснения философских истоков марксизма, а и в плане использования материалистической аргументации Фейербаха в борьбе против современного идеализма. Философский материализм Фейербаха привлекал внимание классиков марксизма-ленинизма в самые различные периоды развития ими материалистической теории, в борьбе с самыми разнообразными реакционно-идеалистическими школами. К. Маркс и Ф. Энгельс пользовались аргументацией Фейербаха в борьбе против реакционно-идеалистических измышлений Канта, Фихте, Гегеля и их последователей. В. И. Ленин использовал материалистическую аргументацию Фейербаха для разоблачения антинаучной сущности идеалистической философии эмпириокритиков и имманентов, неокантианцев и неопозитивистов, «энергетиков» и «физических» идеалистов, «эмпириомонизма» А. Богданова и «эмпириосимволизма» П. Юшкевича.

Разоблачая всех этих новоявленных берклеанцев и фихтеанцев, прикрывавшихся новыми философскими вывесками, В. И. Ленин писал, что последнее слово всех этих господ есть такая старая форма фидеизма, которую замечательно разоблачал в свое время Фейербах.

Аргументация материалиста Л. Фейербаха не утратила значения и в наше время, в борьбе против современной реакционно-идеалистической философии типа прагматизма и логического неопозитивизма, персонализма и семантики, так называемой «новой онтологии» и т. д. Все эти новые «измы» представляют собой не что иное, как «подновленный», облеченный в новую словесную шелуху эклектической мешанины, идеализм.

Материалистическое решение Фейербахом основного вопроса философии в борьбе против идеализма

Стержневым принципом материализма Фейербаха является антропологизм. В решении основного вопроса философии он исходит из существования и потребностей человека, как биологического индивида. Однако каждый человек мыслится им прежде всего в его естественно-биологическом взаимоотношении с человеком противоположного пола. Признание человека ассоциируется с признанием по меньшей мере двух человек — мужчины и женщины. Но и двое не имеют в себе законченности, за двумя следует третий, за женой ребенок. Мужчина и женщина, родители и дети не являются друг для друга простыми представлениями, они есть объективные реальности. Всякий человек является субъектом для себя и в то же время объектом для других людей. Таким образом, вопрос об отношении мышления к бытию решается Фейербахом в плоскости отношения «я» и «ты», человека к другим людям. С признанием двух сторон действительного бытия мужчины и женщины, родителей и детей признается объективное бытие всех других людей и вообще вещей, как действительных, материальных, чувственно воспринимаемых и познаваемых. Фейербах признает, что все вещи, которые нужны нам как средства к жизни, вся действительная природа существуют объективно и независимо от нашего сознания. Что-либо, говорит Фейербах, не существует вообще, если оно существует только для меня, оно существует лишь тогда, когда существует не только для меня, но и для других. Мыслимая мною вещь только тогда действительна, когда я имею ее не только в голове, но и в руках, ибо только в последнем случае она признается не только мною, но и другими, потому что действует на их органы чувств, является объективной реальностью.

Так через антропологизм приходит Фейербах к материалистическому пониманию природы, которая не является, по его мнению, ни продуктом развития мирового разума, как это утверждал Гегель, ни продуктом деятельности чистого «я», как это утверждал Фихте, ни комплексом наших ощущений, как это утверждал Беркли. Природа является объективным, реальным бытием, которое так же многообразно, как многообразны существующие независимо от нас явления и вещи.

Мировой разум Гегеля истолковывается Фейербахом как субъективный, человеческий разум, только отчужденный от человека и превращенный в человеческом воображении в самостоятельную духовную сущность, в бога. Фейербах правильно подчеркнул, что гегелевская философия уничтожила подлинного человека, превратила его в простую абстракцию, без плоти и крови, и этим она снова выразила божественность «я», потому что превратила эту сущность в форму божественной субстан-

ции: сознание человека о боге есть самосознание бога. Сущность же бога, у Гегеля, есть сущность мышления, абстрагированного от мыслящего субъекта.

Разум для Гегеля перестает быть чем-то субъективным, каким он представляется большинству людей. Мышление есть проявление субъективности, в этом его определенность, говорит Фейербах, однако сущностью логики Гегеля является мышление, лишенное этой определенности. И хотя третья часть гегелевской логики называется субъективной логикой, формы субъективности, составляющие ее предмет, могут быть и не субъективными. Понятие, суждение, вывод и даже формы суждения и умозаключения не являются в гегелевской логике нашими понятиями, суждениями и умозаключениями. Они являются объективными, лишь в себе и для себя пребывающими абсолютными формами.

Так гегелевская философия отчуждает от человека его собственную сущность и индивидуальную деятельность, что порождает насилие над нашим разумом. Мы должны, согласно философии Гегеля, абстрагироваться от определенности, не должны мыслить свое своим. Объективный идеализм Гегеля берет не вещи как таковые, а только понятия вещей, в которых нельзя их узнать. Основой этого заблуждения является теология. Отсюда Фейербах делает правильный вывод, что гегелевская философия есть перевернутая теология.

Тело человека, по Гегелю, не является действительностью, а душа есть действительность. Как единство мышления с бытием означает только единство мышления с самим собой, с мыслью, так и единство души с телом означает только единство души с самой собой. Свойством быть объективной реальностью не обладает, по Гегелю, не только материя вообще, являющаяся в качестве абстракции предметом лишь философии, но и материя, являющаяся предметом опыта естествознания. Повсюду Гегель подчеркивает реальность души и нигде не говорит о реальности тела. Фейербах правильно сравнивает его с неоплатоником Плотином, который настолько пренебрегал всем материальным, что стыдился своего собственного тела. Гегель, правда, говорит о необходимом соотношении между душой и телом, но первенство при этом он оставляет за душой. Непосредственное единство души с телом должно быть, по его мнению, уничтожено и заменено посредником — духом.

Фейербах правильно опровергает Гегеля, указывая на то, что непосредственное единство души и тела может быть устранено только путем самоубийства. Но не уничтожает ли в подобном случае душа самое себя, когда она покидает тело? Не подтверждается ли этим, поскольку самоубийца не хочет больше жить, мыслить и воспринимать, непосредственное и неразрушимое единство души с телом? И вообще, как может идти речь у Гегеля о непосредственном единстве души с телом, когда

тело у него не имеет реальности для души, не является для нее субстанцией? Утверждение Гегеля об абсолютном тождестве души и тела является, по Фейербаху, только абсолютной односторонностью, в которой душа существует без тела и поэтому враждебно противостоит ему. Единство души и мышления, души и тела имеет смысл и истину лишь в том случае, когда подлинный человек воспринимается как основание, как субъект этого единства. Реальные вещи познает только реальное существо и только там, где мышление является не субъектом для себя самого, а предикатом подлинного существа. Единство мышления и бытия, духа и тела является не формальным, а реальным единством. Отсюда Фейербах высказывает следующее категорическое требование: если не хочешь быть философом-идеалистом, то будь просто мыслящим человеком. Мысли не в пустоте абстракции, как абсолютный монарх, а в реальных условиях объективной природы, частицей которой ты являешься. Только в таком случае можешь рассчитывать, что твои мысли будут единством бытия и мышления. Мышление, фиксированное только для самого себя, то есть поставленное вне человека, не находится в какой-либо связи и воздействии с внешним миром. Мышление в себе и для себя — это мышление без чувств, без человека, это абстрактный, фантастический субъект, который не может быть объектом для других.

Субъективно-идеалистическая философия Фихте, исходящая в решении основного философского вопроса из «чистого я», разоблачается Фейербахом как абсурдная. Чистое «я», говорит он, не в состоянии удовлетворить за счет себя даже самые необходимые потребности. Чтобы существовать, оно постоянно должно заимствовать недостающие средства у своего тела, являющегося для него уже объективным миром. «Я» связано с внешним миром не через себя самого, как таковое, а через себя, как телесное существо, являющееся, в противоположность абстрактному «я», частью объективного мира.

Классики марксизма-ленинизма высоко ценили Фейербаха за борьбу против дуализма. Органом мышления является, по Фейербаху, мозг, то есть материальное вещество. Человеческий организм представляет собой единство материального и духовного, связанное в свою очередь с внешним миром, с окружающей природой. Деление человека на тело и душу, на чувственную и бесчувственную субстанции противоречит, по Фейербаху, естествознанию и в своей основе несостоятельно. Утверждение дуалистов о возможности отделения себя от своего тела отвергается физиологией, опровергается жизнью. Тело человека является его существованием. Отнять у него тело — значит отнять существование. Ощущение боли индивидом при его уничтожении является протестом против разлучения души с телом, убедительным подтверждением зависимости души от тела. Отдельные элементы сущности, говорит Фейербах, считаете ли вы,

как материалист, атомами, или, как идеалист, — монадами, или, как психолог, — душой и телом, не являются еще самой сущностью. Мы ближе, например, к сущности жизни животного, когда берем его руками в его целостности, чем если бы анализировали его при помощи психологической абстракции по частям или составным элементам. Сущность животного определяется его индивидуальностью, к которой относятся наравне с мозгом в черепе также кости, мышцы, кожа и вообще все, что делает его определенной индивидуальной сущностью. Сущность индивида проявляется и открывается нашим чувствам своим видом, движениями, образом жизни. Индивидуальность человека проявляется не только в его видимой, а и в слышимой походке; своих близких мы узнаем по голосу и даже по слышимым шагам, прежде чем увидим их глазами.

Положение, выдвигаемое идеалистическими и дуалистическими психологами, что жизнь должна иметь свое основание в начале, отличном от тела, потому что после смерти тело со всеми его членами остается в том же виде, как и в жизни, отвергается Фейербахом. После смерти, говорит он, органы тела не являются больше органами, они не относятся больше друг к другу, сердце не несет больше кровь к легким, легкие не несут воздух в сердце, нет больше движения, нет нервного центра, нет подлинного единства органов.

Когда психолог — идеалист или дуалист — утверждает, что он отделяет себя от своего тела, он говорит этим не больше, чем философ, утверждающий, что в логике он отвлекается от человеческой природы. Человек не может отвлечься от своей сущности, он не может мыслить себя без мозга. Как бы ни абстрагировался психолог от своего тела, он не в состоянии от него отделиться. Он может мыслить свое мыслящее «я» как деятельность, отличную от тела, но так как оно, это мыслящее «я», никогда не дается ему отдельно от тела, то он не может представлять его. Процесс мышления есть органическая деятельность, связанная с деятельностью тела, с физическим состоянием его. Человек является другим «я» в состоянии уныния, чем в состоянии радости, другим «я» в состоянии страдания, чем в состоянии веселия, другим «я» в состоянии голода, чем в состоянии сытости, другим «я», будучи взрослым мужчиной, чем был ребенком. С изменением его тела изменилось его «я», его сознание. Основная сущность сознания человека не изменяется, конечно, но это лишь потому, что той же самой остается основная сущность его тела. Идентичность сознания является поэтому только идентичностью тела, ибо человек остается самим собой только в том же самом теле. Самочувствие его постоянно является чувством органически определенного «я»; никогда не имеет он изолированного, абстрактного самочувствия, никогда не мыслит он без головы, никогда не чувствует без нервов.

Фейербах правильно подчеркивал, что человеческий организм представляет собой неразрывное единство материального и духовного, с приоритетом материального. Как органическое единство, он является основой ощущения, восприятия, представления. Организм, разумеется, может быть разложен на составные части, но с этим разложением он перестает быть живым организмом. В категорию делимых он попадает только со смертью, жизнь же должна иметь основание, в сущности отличное от смерти.

Действительный человек не является ни телом, ни душой, как чем-то отделимым, отличным от тела, ни человеком вообще, как чем-то абстрактным. Настоящий человек является живым, органическим индивидуумом. «Думает и ощущает,— говорит Фейербах, — не душа, — потому что душа есть только олицетворенная и гипостазированная, превращенная в особое существо, функция или явление мышления, ощущения и хотения, — и не мозг, потому что мозг есть физиологическая абстракция, орган, вырванный из целостности, из черепа, из головы, из тела вообще, фиксированный, как нечто самостоятельное. Но органом мысли мозг служит лишь в связи с человеческой головой и телом. Внешнее предполагает внутреннее, но внутреннее осуществляется только в своем проявлении».

Для философа-идеалиста, который заботится только о том, о чем он мыслит, а не о том, чем он мыслит, мышление является безмозговым актом, не обусловленной, ни с чем не связанной чистой деятельностью. Точка зрения философа-материалиста должна предполагать такое мышление, которое не прерывается никаким органическим страданием при условии, если орган мышления, то есть мозг, находится в здоровом, нормальном состоянии. Философ-материалист должен иметь дело с мышлением, исходящим из ощущений, являющихся субъективными образами объективного мира. Философ-идеалист отрывает мышление от ощущений и восприятий, являющихся результатом воздействия на наши органы чувств внешних вещей, превращает мышление в оторванную от тела абстрактную деятельность без органов чувств.

Нематериальная духовная деятельность для философа-идеалиста становится предметом патологии для врача. Для него не существует особого, независимого от тела духа. Дух для врача, так же как и тело, является сущностью, подверженной страданию и болезням. Физиология, медицина, патология дают материализму основания и доказательства, которые не могут не быть объяснены философами-идеалистами. В своей обыденной жизни все люди, по Фейербаху, являются материалистами, и до тех пор, пока они страдают, хотя бы только от голода и жажды, их страдания не могут быть излечены ни идеалистическими высказываниями, ни категорическими императивами.

Противопоставляя точку зрения естествознания, физиологии, точке зрения идеалистической психологии, при рассмотрении мыслящего человека, Фейербах совершенно правильно становится на точку зрения физиологии. Психология и физиология, говорит он, рассматривают один и тот же предмет, мыслящего человека, только с различных точек зрения. Для психолога субъект и объект идентичны, для физиолога они различны. Если для психолога объект исчезает в субъекте, то для физиолога субъект вырывается посредством вивисекции из объекта и теряется вследствие этого, так как в качестве предмета исследования остается только мертвый объект без субъекта, без жизни. В психологии я являюсь объектом для себя, в физиологии — для другого. Ощущение, которое причиняет мне мой желудок во время голода, мой мозг во время мышления, является для меня самого объектом, но никогда не может быть мой собственный мозг или желудок для меня объектом физиологического исследования.

Жизнь, восприятие, представление воспринимаются как таковые только непосредственно через живую, воспринимающую, представляющую сущность, от которой нельзя их отделить. Но ни нервы, ни ткани мозга, ни печень, ни желудок, ни сердце, короче говоря, ничто, содержащееся в нашем внутреннем пространстве, не может быть воспринято в самонаглядности, не может стать тем самым для нас самих предметом физиологического эксперимента. В требовании наслаждения пищей я ничего не знаю о желудке, в восприятии как таковом, как предмете психологии, не знаю ничего о нервах, при мышлении как таковом я не знаю ничего о мозге.

В борьбе за материализм Фейербах выступал с резкой критикой идеалистической психологии [1].

Недостаток психологии состоит в том, что мышление истолковывается ею без учета физиологической основы, психологические явления объясняются в отрыве от органа мышления, от мозга. Фейербах против того, чтобы трактовать «я» только как психическую сущность. Он за то, чтобы рассматривать мыслящее «я» как материальную сущность и в органическом единстве со всем организмом. Можно, разумеется, в воображении, говорит он, представить себе свой мозг в качестве объекта и отделить, таким образом, себя от него, но такое отделение будет не действительным, а только воображаемым. Воображая отделение себя самого от своего собственного мозга, мы уничтожаем тем самым только представляемую, а не действительную связь себя с мозгом.

Мозговая деятельность является наивысшим актом, обос-

---

[1] Материалистической психологии в то время не существовало. Естественно-научные основы материалистической психологии были заложены уже после смерти Фейербаха великим русским ученым И. М. Сеченовым и разработаны дальше И. П. Павловым.

новывающим наше мышление, поэтому она и не может восприниматься как самостоятельная, отделенная от нас деятельность. Если в таких органических процессах, как, например, процесс пищеварения, за субъективной, тождественной с мозговой деятельностью следует объективная, отличная от мышления деятельность организма (так, например, проглоченная пища принадлежит уже не сфере сознания, а внутреннему миру), то в мозговом акте, как наиболее высшем акте, произвольная, субъективная деятельность и непроизвольная, объективная материальная деятельность являются взаимосвязанными и неразделимыми. Но так как в мозговом акте исчезает противоречие между субъективной и объективной деятельностью, то он становится для нас только субъективным. Состояние своего желудка, который ощущается нами в зависимости от находящейся в нем пищи, ощущение бьющегося в груди сердца, короче говоря, свое тело мы воспринимаем только при посредстве мозгового акта, сам же мозговой акт воспринимается нами только сам по себе, поэтому он является для нас уже не чем-то объективным и отличным от нас, а субъективным.

Неощутимостью мозгового акта объясняется и то психологическое идолопоклонство древних, а также современных отсталых в культурном отношении народов, которое помещает душу вместо мозгового акта в акт сердцебиения или дыхания. Свои познания о человеческом мозге и вообще о теле человека люди почерпнули в результате изучения анатомии человеческих трупов. Поэтому, когда человек мыслит о своем мозге, он жизнь представляет в образе смерти, а мозг — в качестве анатомического объекта, с которым так же невозможно связать акт мысли, как жизнь невозможно связать с трупом. Находясь в плену воображения, человек не замечает, что живой, мыслящий мозг — совершенно другое, чем мозг как анатомический объект. Он только после смерти становится внешним, видимым, осязаемым объектом; при жизни он является объектом только внутреннего чувства, то есть самочувствия. Разумеется, что мозг, как и всякий внутренний орган, может обнажиться и при жизни, но это опять-таки влечет за собой смерть его. Глаз, как физический орган, мы можем познать и после смерти, но нервный акт глаза, зрение, как таковое, есть жизненный акт, сделать который предметом физиологии мы так же не в состоянии, как не в состоянии, скажем, наслаждаться вкусом другого человека.

Мысли Фейербаха, что органом мышления является материальное вещество, то есть мозг, и что для того, чтобы выполнять функции мышления, он должен находиться в живом и здоровом человеческом организме, что в целом человеческое тело представляет собой материальное органическое единство,

которое связано в свою очередь с внешним миром, то есть с окружающей природой, эти мысли Фейербаха В. И. Ленин ставит на один уровень с мыслями Ф. Энгельса по данному вопросу. В «Людвиге Фейербахе»,— пишет Ленин,— читаем следующее изложение взглядов Фейербаха и взглядов Энгельса: «тот вещественный... чувственно воспринимаемый нами мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственно действительный мир», «наше сознание и мышление, как бы ни казались они сверхчувственными, являются продуктом... вещественного, телесного органа, мозга. Материя не есть продукт духа, а дух есть лишь высший продукт материи» [1].

Отвергая идеализм и дуализм, Фейербах доказывал, что природа является основой, на которой выросли люди, и что люди есть сами продукты природы. Эта его мысль очень убедительно выражает взгляд на единство человека и природы. Несостоятельность идеализма, по Фейербаху, состоит в том, что вопрос об объективности или субъективности мира ставится и разрешается им только с теоретической точки зрения, в то время как мир является объектом разума только потому, что он есть объект ощущения и основа существования. Простой человек смотрит на мир более реально, говорит Фейербах, чем образованный философ-идеалист. Он не выводит действительность и предметность мира из разума или своих ощущений. Обращаясь к богу, воображаемому творцу мира, он просит его всем своим эгоистическим существом: «Создай мне свет, если не создашь, я умру!» — говорит эгоизм зрительных нервов. «Создай мне воду, создай мне питание, если не создашь, — я умру!» — говорит жаждущий и голодный эгоизм. Он «хочет», но не ищет источник желаемых предметов в своих собственных ощущениях. Он просит их извне. Он убежден, что, если не будет ему дано извне, он умрет.

Для того чтобы существовать, человек должен дышать. Дыхание представляет собой телесное смешение нашей крови с наружной атмосферой, в особенности с кислородом воздуха. Легкие, которыми мы вдыхаем воздух в наше тело, не являются органом ощущения. Не являются органами ощущения также поры на нашей коже, которых насчитывается у взрослого человека несколько миллионов. Воздух, вдыхаемый нами посредством кожи и легких, не является нашим ощущением или представлением.

Мы вдыхаем действительный воздух, таким, какой он есть. Мы вдыхаем воздух прежде, чем ощущаем его, то есть прежде, чем видим, слышим, осязаем, обоняем, пробуем на вкус. Мы вдыхаем воздух потому, что не можем без него жить. Если бы не было дыхания, то не было бы в нашем теле кислорода, а без кислорода не было бы горения и теплоты, без теплоты же

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 75. Изд. 4-е.

не было бы ни ощущения, ни воодушевления. Но мы живем не одним только воздухом, а еще и другими бесчисленными веществами. Мы пьем и едим, а то, что пьем и едим, мы должны ощущать, то есть видеть, обонять, пробовать на вкус. Мы не только ощущаем принимаемую пищу, а жуем ее, размалываем нашими зубами для того, чтобы ассимилировать ее, превратить в плоть и кровь, сделать ее сущность нашей сущностью. Голод и жажда являются не чем иным, как существенной связью между воспринимающим существом и природой, то есть другими, соответствующими этому восприятию, поддерживающими жизнь сущностями. Является ли восприятие голода и жажды пустым, беспредметным? Не является ли жажда чем-либо иным в противоположность ощущаемому недостатку воды? «Я ощущаю только самого себя»,— утверждает идеалист. Ощущая жажду, замечает Фейербах, я, конечно, ощущаю себя, но ощущаю как существо, нуждающееся в воде. Мое ощущение жажды подтверждает правильность точки зрения материализма, что вода, в которой я испытываю нужду, не есть результат моих ощущений, а существует объективно и независимо от них.

«Мое ощущение субъективно,— говорит Фейербах,— но его основание объективно. Я ощущаю жажду потому, что вода вне меня является существенной составной частью меня во мне, самой основой или условием моего существования и самого ощущения...»

Вода и пища, говорит Фейербах, являются повседневным воплощением природы, становлением человека. Но природа может стать человеком только вследствие материального единства с ним. Человек насыщает свою пищу солью потому, что соль является необходимой составной частью его здорового, нормального бытия. Принимать соль в свой организм человека побуждает ощущение его неблагосостояния без соли. Мы едим и пьем потому, что питание и питье составляют нашу плоть и кровь. Поэтому именно так называемый субъект является также объектом, значит субъектом-объектом, точно так же, как объект, ставший субъектом, является объектом-субъектом. Человек не является теоретическим, то есть чисто идеальным, существом, так же как не является он телесным организмом без потребностей. Человек есть сущность, предполагающая в качестве условий существования воздух, воду и питание. Существование его обусловливается внешними объектами и находится в соотношении с миром, существующим независимо от него.

Итак, между человеком, с одной стороны, и природой — с другой, существует определенная связь, единство. Человек является продуктом природы, ее произведением. Он должен почитать природу, как свою мать, как основу своего бытия и как источник своего физического и духовного здоровья. Природа

есть та сущность, благодаря которой человек возник и получил свое бытие, так же как человек является той сущностью, благодаря которой природа становится личной, сознательной, познающей сущностью. Бессознательная сущность природы является, по Фейербаху, первичной сущностью, но первичной лишь по времени, а не по сложности; сознательная человеческая сущность является для него вторичной по времени, но первичной по сложности.

Материалистическое учение Фейербаха о природе

Если человек является продуктом природы, то сама природа существует вечно. Признавая вечность существования природы, Фейербах обращает внимание на изменяемость ее. Геологией доказано, пишет он, что земля достигла современного своего состояния лишь в результате целого ряда эволюций и катастроф.

Теисты вкупе с философами-идеалистами выступают против атеистов и материалистов, объясняющих происхождение людей и животных от природы, без вмешательства бога. Делают они это обычно в форме постановки вопроса: если природа создала некогда животных и людей, то почему не делает она этого в настоящее время? Потому, отвечает Фейербах, что всему в природе есть свое время. Природа может лишь то, на что даны необходимые условия. И если теперь не происходит того, что происходило некогда, то это потому, что тогда были такие условия, каких нет в настоящее время. Как конец жизни совпадает с концом ее условий, так и начало возникновения жизни должно совпадать с возникновением ее условий. Возникновение органической жизни представляется Фейербаху не иначе как в связи с возникновением жизненных условий, при которых температура, воздух, вода и земля создавали такие свойства, которые обусловливали возникновение органической жизни в силу естественной необходимости. «...Возникновение органической жизни,— писал он,— нельзя себе представить, как изолированный акт, следующий за возникновением необходимых для жизни условий, нет, тот момент, когда температура, воздух, вода и земля приобрели определенные свойства, когда кислород, водород, углерод и азот вошли в определенные соединения, обусловливающие существование органической жизни, этот момент был вместе с тем и моментом, когда эти вещества соединились для образования органических тел».

Но это, разумеется, лишь косвенные доказательства естественного происхождения жизни. Что касается прямых естественно-научных доказательств, то мы, говорит Фейербах, далеки еще от цели, хотя по сравнению с прошлыми временами далеко пошли вперед и в этой области, по крайней мере, на-

столько, что можем быть убеждены в естественном происхождении жизни. Может быть когда-нибудь наступит время, говорит Фейербах, когда природа сделает опять то же самое, когда старые породы животных и люди исчезнут и новые люди, новые породы возникнут. Вопрос, почему этого больше не происходит теперь, представляется мне таким же, как если бы спросили, почему дерево дает плоды только осенью, а цветы — весною, разве не могло бы оно без перерыва цвести и давать плоды?.. Только совершенно индивидуальные условия или отношения на земле, революции земли, которые в том виде, как они были, больше не повторились, создали органические существа, по крайней мере, те, которые со времени последней геологической эпохи на земле существуют, и в том виде, как они существуют.

Приведенные мысли Фейербаха были высказаны им более чем за десять лет до появления книги Чарлза Дарвина «Происхождение видов». Вполне объясним поэтому взгляд Фейербаха на органические формы последней геологической эпохи, как на не претерпевшие никаких изменений.

И все же нельзя не отметить, что мысль Фейербаха о происхождении живой природы из неживой в силу естественных причин ставит его на целую голову выше эмпирического естествознания того времени. В своей основе мысль эта остается правильной и для нашего времени, ибо она не противоречит современному состоянию естествознания.

Высоко оценил Фейербах роль космогонической гипотезы Канта для материалистического обоснования учения о природе. Толчок, вырвавший землю из общей материи солнца, планет и комет, явился, по его мнению, революцией, от которой ведут свое происхождение все явления нашей земной жизни.

Все, что окружает нас, говорит Фейербах, все чувственное и действительное, есть причина определенных действий, но причина, которая сама явилась результатом действий и которая сама в свою очередь имеет причину. Вполне естественна потребность нашего разума — найти причину, которая не имеет за собой больше причин, которая не вызвана ничьим действием, но является причиной самой себя. Такой причиной самой себя является вечно существующая природа.

Природа не нуждается ни в каких внешних причинах, ни в каких внешних силах, она не имеет ни начала, ни конца. Представление, согласно которому природа имеет временное начало, что означает, что когда-то не было ни природы, ни мира, является ограниченным представлением. Выводить природу из абстрактной сущности значило бы выводить оригинал из копии.

Философы-идеалисты утверждают, что мир необъясним без бога, естествознание же доказывает прямо противоположное: если бы был бог, то существование мира было бы необъясни-

мым. Мир может быть объясним только в том случае, если мы признаем, что вне природы нет никакого существования, нет ничего другого, кроме материального, естественного, чувственного.

Но если природа признается за причину самой себя, то бог есть не что иное, как продукт воображения, продукт человеческой фантазии. Мир, природа есть нечто чувственно достоверное, не подлежащее никакому сомнению. Если теологи и философы-идеалисты спрашивают о том, как можно объяснить без бога удивительную гармонию в мире, то Фейербах отвечает на это, что вещи в мире, являющиеся одновременно сами миром, не образуют хаоса и запутанности. Наоборот, они образуют единое целое, действующее с необходимостью, по объективным законам. Необходимость и объективные законы природы не являются, по Фейербаху, продуктом творчества ни бога, ни разума; они присущи самой природе, происходят из самих вещей. Вопрос о том, почему явления природы имеют эту необходимость, а не какую-либо другую, является нелепым. Теологи разрывают то, что в природе связано неразрывно; единство и необходимость в природе они объясняют как план и как намеренную целесообразность. Если в природе действительно господствует целесообразность, то почему она, спрашивает Фейербах, приносит преждевременные роды? Потому, отвечает он, что результат их совершения был не в заранее намеченной цели. Явления подобного рода есть неопровержимое доказательство того, что произведения природы творятся ею не по задуманному плану. Ассоциацию творческой силы природы с какой-то неведомой волей, разумом или сознанием Фейербах считает произволом фантазии невежественного религиозного человека, который повсюду, где он воспринимает причинную зависимость, привносит разум, смысл, мышление.

Разоблачая антинаучный, телеологический взгляд на мир и его закономерности, Фейербах правильно, материалистически пытался объяснить гносеологические корни этого взгляда. Гносеологические причины телеологического взгляда на природу он усматривал в субъективизме. Дело в том, что человек является существом, действующим по преднамеченным планам или целям. Цель есть не что иное, как волевое представление, которое должно осуществиться при посредстве инструментов и органов человеческого тела. Получается так, что человек создает если не из своего мышления, то при помощи его вещи, которые носят на себе печать намеренности и целесообразности. Человеку свойственно мыслить обо всем по самому себе. Представление о своих собственных творениях он переносит на сами творения, а представления о явлениях природы — на сами явления природы. В конце концов человек становится склонным к тому, чтобы и природу рассматривать как продукт

человеческого мастерства. Но так как действия природы и соответственно продукты ее творчества превышают возможности человеческих сил, то человек раздувает в своем воображении человеческую по своему существу причину в сверхъестественное существо, имеющее те же свойства для осуществления своих мыслей, что и человек, только бесконечно превышающее масштаб человеческих сил и способностей, и называет это существо богом.

Природа не видит, она не является, по Фейербаху, слепой, не живет, в смысле человеческом, то есть в смысле субъективно воспринимаемой жизни, но она не является и мертвой; она творит не по преднамеренному плану, но ее творения не являются случайными; она действует и творит повсюду только по необходимости, то есть в строгой закономерности. Только необразованный человек, который воспринимает природу как мертвую и слепую, а творения ее как случайные, только он определяет ее, в противоположность себе, как ошибочную сущность на том основании, что она не имеет того, что имеет он; свою субъективную сущность он возводит в масштаб объективной природы. Природу необходимо воспринимать так, говорит Фейербах, как она есть, ничего не прибавляя к ней сверхъестественного.

Материалистический взгляд Фейербаха на причинность и закономерность в природе высоко был оценен В. И. Лениным.

«...Фейербах признает объективную закономерность в природе,— писал Ленин,— объективную причинность, отражаемую лишь приблизительно верно человеческими представлениями о порядке, законе и проч. Признание объективной закономерности природы находится у Фейербаха в неразрывной связи с признанием объективной реальности внешнего мира, предметов, тел, вещей, отражаемых нашим сознанием. Взгляды Фейербаха — последовательно материалистические. И всякие иные взгляды, вернее, иную философскую линию в вопросе о причинности, отрицание объективной закономерности, причинности, необходимости в природе, Фейербах справедливо относит к направлению фидеизма. Ибо ясно, в самом деле, что субъективистская линия в вопросе о причинности, выведение порядка и необходимости природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. п. не только отрывает человеческий разум от природы, не только противопоставляет первый второй, но делает природу *частью* разума, вместо того, чтобы разум считать частичкой природы. Субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм (к разновидностям которого относятся теории причинности и Юма и Канта), т. е. более или менее ослабленный, разжиженный фидеизм. Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отраже-

ния этой закономерности в голове человека есть материализм»[1].

Прослеживая высказывания Фейербаха о пространстве и времени, как объективных формах существования природы, мы убеждаемся, что и здесь он стоял на материалистических позициях. Действительным бытием, говорит он, является бытие, существующее в пространстве и во времени; такое бытие представляет собой природа. Пространство и время являются формами существования бытия всех вещей и всех сущностей. Первой границей, то есть первым делением пространства, является «здесь и там». Здесь есть я, там — ты, мы вне друг друга, потому что занимаем разные пространства. Солнца нет там, где Меркурий, Меркурия нет там, где Венера, глаза нет там, где ухо, уха нет там, где нос, и т. п. Так представляет себе Фейербах положение вещей и явлений природы.

Когда речь идет о каком-либо предмете и о его месте нахождения, говорит он, то имеется в виду не что иное, как определение места, занимаемого этим предметом относительно других предметов. Но занимаемое предметом место невозможно отделить от пространства. Понятие пространства возникает вместе с вопросом: где? «Где» — это пока еще очень обще, относится к каждому месту без различия, и в то же время оно все же определенно, конкретно, ибо одновременно с этим «где» ставится то «где». С определением места одного предмета относительно другого возникает общее понятие пространства, которое неразрывно связано с определением места реальных, конкретных предметов. А из этого следует, что где нет определения места или различия мест, там нет и пространства, где нет пространственного различия, там нет также и логического различия.

Верный антропологическому принципу в решении основного вопроса философии, Фейербах распространяет его и на истолкование пространства и времени. Ориентация в пространстве, говорит он, есть первое отличие уместного от неуместного, что усваивается человеком в процессе его воспитания среди взрослых. Пространственное ограничение и различие относится также и к мудрости писателя. Он не переносит в текст того, что должно быть в примечании, не помещает в начале того, что должно быть в конце. Пространственное различие является поэтому истиной логических различий. Но различие может мыслиться только одно за другим.

«Пространство и время,— говорит Фейербах,— не простые формы явлений, а коренные условия... бытия». Эту цитату из § 44 «Основ философии будущего» Фейербаха приводит В. И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм».

«Признавая объективной реальностью тот чувственный мир,

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 142.

который мы познаем через ощущения,— продолжает Ленин сразу же после приведенной цитаты,— Фейербах естественно отвергает и феноменалистское (как сказал бы Мах про себя) или агностическое (как выражается Энгельс) понимание пространства и времени: как вещи или тела — не простые явления, не комплексы ощущений, а объективные реальности, действующие на наши чувства, так и пространство и время — не простые формы явлений, а объективно-реальные формы бытия» [1].

Теория познания Фейербаха

В. И. Ленин писал, что в своей теории познания Фейербах стоял на точке зрения отражения объективно существующей природы в нашем сознании. Он признавал, что вещи существуют независимо от сознания людей, ощущения и представления людей являются образами этих вещей.

Борясь против агностицизма вообще и против кантианской формы его проявления в особенности, Фейербах отстаивал точку зрения принципиальной познаваемости мира, подчеркивая при этом, что познание не может идти иначе, как через ощущения и восприятия человеком внешнего мира. У воспринимаемой нами при помощи органов чувств объективной природы, по Фейербаху, нет никаких «вещей в себе», которые не могли бы быть познаны. У нас нет никакого основания воображать, говорит Фейербах, что если бы человек имел больше органов чувств, то он больше познал бы свойств или вещей природы. У человека имеется столько чувств, сколько необходимо для восприятия мира в его целостности и совокупности. Эту мысль Фейербаха В. И. Ленин подчеркнул как очень важную против агностицизма.

В противоположность Гегелю, утверждавшему, что отправным пунктом познания является бессодержательное абстрактное мышление, Фейербах исходил из признания того, что источником наших знаний являются ощущения, а источником ощущений — объективный мир, действующий на органы чувств человека. О существовании внешних предметов человек узнает, по Фейербаху, только при помощи органов чувств. Знать о внешнем мире может только тот, кто ощущает его. Мышление, изолированное от чувств, не в состоянии, по Фейербаху, найти перехода к объекту, как не в состоянии схватить что-либо голова, отделенная от туловища с его руками. Ощущения не могут быть выведены из разума, так же как не может быть выведено тело человека из его сознания; разум предполагает ощущения, но не ощущения — разум. Чувства остаются основанием мышления, говорит Фейербах, даже в тех случаях, когда они исчезают в абстракции разума, ибо человек

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 162.

мыслит лишь при посредстве своей головы, своего головного мозга, являющегося средоточием чувств.

Определяя мозг, как средоточие чувств, Фейербах повторяет тем самым взгляд французского материалиста XVIII века Дидро, который считал мозг универсальным чувством. Фейербах, как все метафизические материалисты домарксовского периода, не видел качественного различия между чувственным восприятием и мышлением. В действительности же чувственное восприятие и абстрактное мышление, органом которого является мозг, представляют собой качественно различные моменты процесса познания.

Путь идеалистической теории познания Гегеля от абстрактного к конкретному критикуется Фейербахом, как ложный. В постоянном противоречии с ощущениями, говорит он, идеалист гегелевского толка стремится опровергнуть представления, полученные при помощи ощущений, чтобы не опорочить абстрактных понятий, не загрязнить их. Представитель материалистической теории познания должен мыслить, по Фейербаху, в согласии с ощущениями, истину познавать он должен через органы чувств.

Защищая точку зрения материалистического сенсуализма, Фейербах предупреждал от опасности скатиться к субъективному идеализму типа берклеанства. Главнейшим в познании для него является не только требование исходить из ощущений и восприятий, но и признание этих ощущений и восприятий субъективными образами объективного мира. «Горечь, как вкус, — говорит Фейербах, — есть субъективное выражение объективного свойства соли». Приведя эти строки Фейербаха, В. И. Ленин пишет: «Ощущение есть результат воздействия объективно, вне нас существующей вещи в себе на наши органы чувств, такова теория Фейербаха. Ощущение есть субъективный образ объективного мира...» [1].

Высоко ценил В. И. Ленин критику Фейербахом «физиологического идеализма», который использовался реакционными философами для оправдания скептицизма и агностицизма. Известный немецкий физиолог Иоган Мюллер, будучи в своих философских воззрениях кантианцем, выдвинул своеобразную «теорию» о так называемой специфической энергии органов чувств или чувствующих нервов. Исходя из этой «теории», он утверждал, что самые разнообразные раздражения, примененные к одному и тому же органу чувств, например глазу, способны вызывать всегда одно и то же ощущение, именно то ощущение, которое возникает через соответствующий орган чувств при воздействии на него естественного раздражения, в данном случае света. (Так, например, физический удар по глазу, вызывает световые искры из него.) И, наоборот, одно и то же раздражение в приложении к различным органам чувств вызывает совершенно различные ощущения, сообразно со свойствами органа, на кото-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 106.

рый действует это раздражение. Отсюда «физиологические идеалисты» делали вывод, что при помощи наших органов чувств мы не можем достичь адэкватного познания мира.

Против этой точки зрения Мюллера Фейербах выступил с решительной критикой. В. И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» писал об этом: «В 1866 г. Л. Фейербах обрушился на Иогана Мюллера, знаменитого основателя новейшей физиологии, и причислил его «к физиологическим идеалистам»... Идеализм этого физиолога состоял в том, что, исследуя значение механизма наших органов чувств в их отношении к ощущениям, указывая, например, что ощущение света получается при различного рода воздействии на глаз, он склонен был выводить отсюда отрицание того, что наши ощущения суть образы объективной реальности. Эту тенденцию одной школы естествоиспытателей к «физиологическому идеализму», т. е. к идеалистическому толкованию известных результатов физиологии, Л. Фейербах схватил чрезвычайно метко. «Связь» физиологии с философским идеализмом, преимущественно кантианского толка, долгое время потом эксплуатировалась реакционной философией» [1].

Различие между фантастическим и действительным светом, писал Фейербах, является различием между субъектом и объектом, между «я» и «ты». «Свет нервов» без солнечного света — все равно, что субъект без объекта, «я» без «ты», женщина без мужчины, или наоборот. Приравнивать субъективное восприятие света объективному — это все равно, что отождествлять поллюцию с деторождением.

Приведя это высказывание Фейербаха, направленное против «физиологического идеализма», В. И. Ленин пишет, что «замечание не из очень вежливых, но оно попадает не в бровь, а в глаз тем философам, которые учат, что чувственное представление и есть вне нас существующая действительность» [2].

При изучении теоретико-познавательных трудов Фейербаха на первый взгляд может создаться впечатление, что, переоценивая роль чувственных восприятий и недооценивая роль абстрактного мышления в познании, он скатывался к ползучему эмпиризму. В действительности же Фейербах не был только эмпириком. Если в борьбе против идеализма Фейербах иногда и впадает в крайний эмпиризм, переоценивая значение ощущений в познании, то это нужно рассматривать не больше, как материалистическую реакцию на идеалистические воззрения Канта, Фихте и Гегеля. Фейербах чувствовал, что ему могут сделать упрек в ползучем эмпиризме, и старался предупредить его. Голая эмпирия, говорит он, не только не дает истинного познания, но, наоборот, ведет к скептицизму и агностицизму. Чистый эмпирик, по Фейербаху, не имеет в своем распоряже-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 290—291.

[2] Там же, стр. 129.

нии критерия для различения предстоящих ступеней эмпирии по их достоинству и истинности. Так как все последующие ступени эмпирии для эмпирика равноценны, то он неизбежно запутывается в противоречиях, утрачивает перспективу и ориентацию, впадает в скептицизм. Еще Гераклит говорил о том, что многознание не научает быть мудрым. Скептицизм, по Фейербаху, является следствием именно многознания в смысле голого эмпиризма. Насколько уверенно берет Фейербах эмпирию в качестве отправного пункта в своей теории познания, настолько же уверенно он не хочет останавливаться на эмпирии, как на конечном пункте познания. От эмпирии, от опыта он призывает к философским обобщениям, от описания фактов — к их объяснению, считая такой порядок единственно правильным. Чтобы разобраться в обилии добытого посредством опыта фактического материала, естествоиспытатель должен, по Фейербаху, образовать общие понятия, под которые можно было бы подводить отдельные явления, раскрывать внутренние связи и отношения между ними. Образование общих понятий в науке необходимо, говорит Фейербах, но понятие не может являться сущностью, принципиально отличной от чувственной сущности. Понятие является, по Фейербаху, обобщением существенных признаков созерцаемых вещей и явлений. Голый эмпиризм, по его мнению, не в состоянии дать причинного объяснения вещей и явлений природы. Природа же является первой причиной и последним источником познания. Раскрывая законы объективной природы, наука должна осмыслить и объяснить их, как нечто объективное и необходимое. Эту сторону в процессе познания объективной природы Фейербах правильно подчеркивает как в борьбе против гегельянства, так и в борьбе против ползучего эмпиризма.

Классики марксизма-ленинизма критиковали теорию познания Фейербаха за ее абстрактно-созерцательный характер. Отражение объективной природы в головах людей рассматривается ею не как активный процесс воздействия общественного человека на природу, а как пассивное отражение ее в голове «антропологического», но не общественно-исторического человека. К. Маркс писал в своих тезисах о Фейербахе, что объективно существующая действительность в качестве предмета познания рассматривается Фейербахом не как чувственная практическая деятельность человека, то есть не субъективно, а в форме объекта или в форме пассивного созерцания. Созерцание человеком природы он рассматривал в отрыве от его трудовой практической деятельности. «...Человек возвышается над землей, — писал Фейербах, — только благодаря зрению, поэтому теория начинается там, где взор обращается к небу. Первые философы были астрономами. Небо напоминает человеку о его назначении, о том, что он создан не только для деятельности, но и для созерцания».

В действительности астрономия, а вместе с ней и математика возникли отнюдь не по той причине, что человек благодаря зрению обращался к небу. Человек обладал зрением и мог созерцать небо во всех обитаемых частях земной поверхности и во все времена, как только он приобрел прямую походку. Тем не менее, астрономия и математика зародились лишь в определенную историческую эпоху, примерно за 3000 лет до нашей эры, и в определенных местах земного шара, в низовьях рек Тигра и Евфрата (Южная Азия) и в долине реки Нила (Африка). Потребности развивающихся земледелия и скотоводства рано заставили обитателей этих областей заниматься астрономией и математикой. Основной практической задачей последних было составление календаря. Наблюдения за движениями небесных светил дали возможность этим народам зафиксировать периодичность в положениях луны, периодичность солнечных и лунных затмений, наблюдения дали возможность открыть некоторые закономерные соотношения в движении небесных светил. Энгельс указывает в своих заметках об истории науки, что развитие наук обусловлено производством с самого начала их возникновения.

Правильный взгляд на роль практики в теории познания Маркс и Энгельс высказали уже в первом их совместном произведении «Святое семейство», которое было написано ими в период наиболее сильного на них влияния со стороны Фейербаха (1844). В подготовительных работах к «Святому семейству» Маркс писал, что раскрытие теоретических противоположностей отнюдь не является задачей только познания, а действительно жизненной задачей. Философия не могла решить ее именно потому, что видела в ней только теоретическую задачу, в то время как она может быть разрешена только практическим путем, то есть благодаря практической деятельности людей. Высоко оценивая заслуги Фейербаха в борьбе за материализм, против идеализма, Маркс и Энгельс в «Святом семействе» не критикуют пока его теорию познания за абстрактно-созерцательный характер. Однако весной 1845 года Маркс написал «Тезисы о Фейербахе», в которых указал, что вопрос о предметной истинности человеческого мышления является не теоретическим, а практическим вопросом. Истинность своего мышления человек должен доказать своей практической деятельностью.

Развернутую критику теории познания Фейербаха Маркс и Энгельс дали в том же 1845 году во втором совместном произведении — «Немецкая идеология». В главе о Фейербахе подвергается критике в первую очередь абстрактно-созерцательный, пассивный характер теории познания Фейербаха. Маркс и Энгельс пишут, что при созерцании чувственного мира Фейербах неизбежно наталкивается на явления и факты, которые противоречат его сознанию и чувству, нарушают предполагаемую им гармонию чувственного мира вообще и гармонию человека с

природой в особенности. Антропологизм Фейербаха проявился здесь в том, что окружающий мир он рассматривает не на основании исторических законов развития общества, а исходя из свойств и потребностей отдельных людей как биологических существ. В теории познания он хотя и стоял на точке зрения отражения объективной природы в сознании людей, но понимал это отражение метафизически, без развития, без возникновения и разрешения противоречий. Фейербаху был чужд диалектический взгляд на мир, как беспрерывно развивающийся и обновляющийся. Непонимание Фейербахом диалектики и ее роли в теории познания тесно связано с непониманием им роли практики в познании объективного мира. Фейербах не понимает того простого факта, пишут Маркс и Энгельс, что даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны ему только благодаря общественному развитию, благодаря развитию промышленности и торговли. Вишневое дерево, как и многие другие плодовые деревья, появилось в поясе с умеренным климатом благодаря развитию торговых сношений. Но это значит, что вишневое дерево дано «чувственной достоверности» Фейербаха лишь благодаря именно этому действию общества и в определенных конкретно-исторических условиях.

Говоря о естествознании, Фейербах упоминает о тайнах, которые доступны только глазу физика и химика, но чем было бы естествознание, спрашивают Маркс и Энгельс, без промышленности и торговли? Ведь даже теоретическое естествознание получает свою цель и свой фактический материал только благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей. Беспрерывная чувственно-творческая производственная деятельность до такой степени служит основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы она прекратилась хотя бы лишь на один год, то Фейербах не только нашел бы колоссальные изменения в физическом мире, но очень скоро не нашел бы всего человеческого мира, собственной способности созерцания и даже своего собственного существования.

Придавая столь великое значение общественной исторической практике в деле познания и изменения общественным человеком мира, Маркс и Энгельс подчеркивают, что первенство сохраняется при этом за внешней природой и что распространяется все это на человека, уже выделившегося из природы и ставшего принципиально отличным от природы.

Не поняв роли и значения практики промышленности, земледелия и торговых отношений в развитии науки, в познании природы, Фейербах тем более не мог понять роли и значения революционной практики в деле познания и революционного изменения общества.

Если классики марксизма-ленинизма учат, что точка зрения практики должна быть первой и основной точкой зрения теории

познания, что революционная теория является опытом рабочего движения всех стран, взятым в его общем виде, и что теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения лишь в том случае, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, то Фейербах рассматривал теорию в отрыве от революционной практики.

В своем письме к Руге относительно программы проектируемого журнала «Немецко-французский ежегодник» на поставленные вопросы — что такое теория, что такое практика и в чем состоит их различие, — Фейербах ответил, что теоретическим для него будет то, что находится пока в его голове, а практическим — то, что уже водится в головах многих.

Что касается программы журнала, то она должна свестись, по Фейербаху, к стремлению преподнести новый мир новому поколению в мыслях и стихах.

Прямо противоположную точку зрения на связь теоретических принципов с практикой политической борьбы высказал Маркс в своем письме к Руге в том же 1843 году и относительно того же журнала.

«...Мы не выступим перед миром,— писал Маркс,— как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы не говорим миру: «перестань бороться, вся твоя борьба — пустяки», — мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что, собственно, он борется, а сознание — такая вещь, которую мир *должен* приобрести себе, хочет он этого или нет» [1].

В том же письме Маркс так сформулировал программу журнала: «...ничто нам не мешает связать нашу критику с критикой политики, с интересами определенной политической партии, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной* борьбой» [2].

Фейербах называл себя «духовным естествоиспытателем» в том смысле, что материалистический сенсуализм он хотел распространить на познание явлений общественной жизни. Много внимания уделил он исследованию религии и морали. При познании религии и морали Фейербах требует руководствоваться в качестве критериев не заранее придуманными концепциями, а действительными фактами, взятыми из действительной жизни. Бытие повсюду является первичным, говорит Фейербах, значит и при исследовании религии и морали надо исходить из их бытия. Фейербах говорил о себе, что задача, которую он поставил в своих религиозно-философских сочинениях, была эмпирико-исторической и заключалась в том, чтобы говорить не своим языком, а языком истории религии и морали человечества. Таким образом, он ставил перед собой цель объяснить историю

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 366.
[2] Там же.

человечества, исходя исключительно из религиозного сознания, тогда как задача состояла в объяснении религии, исходя из общественно-экономических отношений.

Классики марксизма-ленинизма учат, что историю общества нельзя изучать по его сознанию, что сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями.

Маркс и Энгельс, критикуя Фейербаха, указывали, что люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные отношения, изменяют вместе с тем также и свое сознание. Не сознание определяет бытие, а, наоборот, общественное бытие определяет общественное сознание.

Распространяя материалистическую теорию познания на познание общества, классики марксизма-ленинизма показали, что точно так же как познание человека отражает независимо от него существующую природу, так и общественное познание, выражающееся в форме философских, религиозных, политических и других взглядов, отражает экономический строй общества.

Критика непоследовательности и ограниченности материализма Фейербаха

Высоко оценивая заслуги Фейербаха, в особенности его материалистический взгляд на природу, классики марксизма-ленинизма в то же время критиковали материализм Фейербаха за его непоследовательность и ограниченность. Материализм Фейербаха с начала и до конца носит на себе печать антропологизма. Антропологию Фейербах возводил в универсальную науку.

Ограниченность антропологического материализма Фейербаха обнаруживается прежде всего в том, что, рассматривая взаимоотношения людей, он совершенно абстрагируется от их общественно-экономических и политических отношений. При рассмотрении отношения человеческого общества к природе в целом Фейербах исходит не из общественных историко-экономических законов развития общества, а из свойств и потребностей людей, как биологических индивидов.

Не выходя за границы антропологии, Фейербах не может отделаться от абстрактного понимания человека, потому что не понимает человека в его связи с конкретно-историческими условиями общественной жизни, не понимает его как совокупность общественных отношений.

Поэтому именно Энгельс и говорит о нем, что «по форме он реалистичен, за точку отправления он берет человека; но о мире, в котором живет этот человек, у него нет и речи, и потому его человек остается... абстрактным человеком...» [1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 361.

И действительно, «антропологический» человек Фейербаха, то есть человек как биологическое существо, несомненно является «реальным человеком» в противоположность абстрактному «я» субъективного идеалиста Фихте. И в то же время человек только как антропологическое и биологическое существо остается «абстракцией», в противоположность марксистскому определению человека как совокупности общественных отношений.

Фейербах боялся называть себя материалистом, потому что смешивал материализм как общее мировоззрение, основанное на определенном понимании отношения материи и духа, с той особенной формой его, в которой выражалось это мировоззрение у вульгарных материалистов 50-х годов в Германии — Бюхнера, Фогта и Молешотта. В своем мировоззрении он стоял несомненно выше вульгарных материалистов и старался отмежеваться от них. Но как бы ни возвышался его материализм над материализмом Бюхнера, Фогта и Молешотта, им в равной мере присущи такие ограниченности, как метафизичность (в смысле антидиалектичности) и идеализм в объяснении общественной истории. Фейербах, как и вульгарные материалисты, обнаружил полное неумение найти в философии Гегеля то положительное, что было добыто ею в виде «рационального зерна» ее диалектического метода. Диалектический метод представлялся ему совершенно ненужным пустословием. Вместо критического преодоления и материалистической переработки диалектики Гегеля он просто отбросил ее. Однако объявить ту или иную философию негодной не означает еще, как замечает Энгельс, преодолеть ее. Задача состояла в том, чтобы уничтожить при помощи критики все мистическое и негодное, сохранив при этом добытое ею положительное содержание. Эта задача замечательно была выполнена Марксом и Энгельсом. Они не отбросили философию Гегеля полностью, а, отвергнув его идеалистическую систему, взяли из его диалектического метода «рациональное зерно» — учение о развитии, критически переработали его и создали материалистическую диалектику.

Гегель был идеалистом, поэтому и диалектика у него была идеалистической; за отправной пункт диалектического развития он брал не материальный мир, а «чистое бытие», то есть абстрактное, абсолютно бессодержательное понятие, которое существовало, по его мнению, до человека и до природы и которое явилось в конечном счете творцом существующего мира.

Исходя из «основного зерна» материализма Фейербаха и развив его дальше в научно-философскую теорию материализма, Маркс и Энгельс увидели в человеческих понятиях отображение действительных вещей, а в диалектике — науку об общих законах развития как внешнего мира, так и человеческого мышления. Диалектика понятий, по Марксу и Энгельсу, становилась не чем иным, как отражением диалектического развития

объективного мира в человеческом сознании. Но тем самым гегелевская диалектика была перевернута и поставлена с головы на ноги. Сделав это, Маркс и Энгельс совершили революционный переворот в философии. Если в философии Гегеля целью диалектики было обоснование идеализма, в марксистской философии задачей ее стало обоснование материалистического мировоззрения.

В качестве замечательного исторического факта Энгельс указывает на то, что материалистическая диалектика параллельно и независимо от Маркса и даже независимо от Гегеля была открыта немецким рабочим философом Иосифом Дицгеном. В том же направлении развивались и философские воззрения русских революционных демократов: Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Критически преодолевая Гегеля, они, в отличие от Фейербаха, увидели в его философии не только реакционную, но и прогрессивную сторону — диалектический метод. Давая высокую оценку Фейербаху как материалисту и борцу против идеализма и теологии, они умели отличать и отсекать от положительного содержания материализма его идеалистические и религиозно-этические наслоения. Материализм русских революционных демократов был боевым и революционным, являлся теоретической основой их революционной тактики. Как идеологи революционного крестьянства, русские революционные демократы призывали эксплуатируемый класс крестьян к революционному освобождению от эксплуатации и гнета помещиков-крепостников.

Материализм классиков русской философии представлял собой высшую форму домарксистского материализма, однако и ему был свойствен тот общий с материализмом Фейербаха недостаток, что он был материализмом снизу, то есть в объяснении природы, и идеализмом сверху, то есть в понимании истории.

Когда Фейербах отмежевывался от вульгарного материализма Бюхнера, Фогта и Молешотта и когда он говорил в связи с этим, что естественно-научный материализм «составляет основу здания человеческого знания, но еще не само здание», он делал тем самым слабый намек на то, что жизнь людей связана не только с природой, но и с человеческим обществом, что человеческое общество имеет свою специфику и что изучением его должны заниматься не естественные науки, а науки об обществе. Задача состояла в том, чтобы перестроить общественные науки на материалистических началах, но такая задача не могла быть выполнена Фейербахом, потому что, несмотря на материалистическую основу его мировоззрения, он не освободился полностью от идеализма. В области понимания общественной жизни он оставался идеалистом.

В объяснении явлений общественной жизни Фейербах исходил из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира

на мир религиозно-фантастический и мир действительный. «...Он занят тем, — писал Маркс о Фейербахе, — что сводит религиозный мир к его земной основе... Религиозную сущность Фейербах сводит к *человеческой* сущности» [1].

Утверждая, что христианская религия есть фантастическое отражение в сознании религиозного человека его собственной сущности, Фейербах становится тем самым в объяснении религии на точку зрения материализма, но материализма антропологического. Религиозные образы не имеют для него никакой другой действительности, кроме как психологической или антропологической. Классовый подход к анализу корней религии был чужд ему. Он не понимал, что религию порождают те общественные условия существования людей, которые порождают эксплуатацию и рабство. Бессилие в преодолении этих условий, а также темнота и невежество людей, коренящиеся в этих же условиях, находят в религии свое ярчайшее выражение. Понятно поэтому, почему классики марксизма-ленинизма, в отличие от Фейербаха, главное внимание сосредоточивают на социальных корнях религии, считают социальные причины главными причинами существования религии в классово-антагонистическом обществе. Именно поэтому Ленин, разоблачая реакционную сущность религии и идеализма, беспощадно бичевал также ограниченность буржуазного, метафизического материализма. Марксист должен быть врагом религии, а значит и материалистом, писал Ленин, но материалистом диалектическим, ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлеченной, чисто теоретической, всегда себе равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, воспитывающей массы больше всего и лучше всего.

Доказав, что христианский бог является фантастическим отражением человеческой сущности, Фейербах сделал вывод, что соединение бога с человеком есть объединение человека с человеком, а разлучение бога с человеком — разлучение человека с человеком. Исходя из того, что слово «религия» в своем первоначальном происхождении означало связь, Фейербах всякую взаимную связь людей объявляет религиозной. Жизнь людей в своих существенных отношениях, говорит он, вполне божественна. Взаимоотношения супругов, детей и родителей, братьев и сестер, друзей и вообще отношения человека к человеку являются религиозными и нравственными отношениями. Фейербах хочет не упразднить религию, а только усовершенствовать ее. На место сверхчувственной религии с богом должна стать, по его мнению, человеческая религия без бога. Не поняв классовых корней религии, он утверждает, что все зло ее коренится в вере, ибо, несмотря на противоречивый характер сущности религии, все же вера берет верх над опытом. Человечество должно от-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 384.

вернуться от веры в сверхъестественные силы и обратиться к природе, являющейся противоядием против христианства и основным условием для возрождения человечества. Но и природа не является, по Фейербаху, высшим идеальным принципом, им является только человеколюбие. Всякое историческое движение лишь тогда достигает своей глубокой основы, когда оно глубоко проникает в сердце человека. Любовь для Фейербаха — универсальный принцип для усовершенствования человеческого рода путем убеждения. Таковы философия религии и философия морали Фейербаха.

Фейербах далек от понимания того, что человеческий род в социальном отношении весьма неоднороден, что он делится на классы с противоположными интересами и что классы эти ведут между собой непримиримую борьбу. Оставаясь идеалистом в объяснении общества, он не мог понять, что религия и мораль у антагонистических классов прямо противоположны.

Фейербах не мог не признать, что действительность пока далека от его идеала совершенной гуманности, однако нравственное должно одержать, по его мнению, верх. Отношения людей друг к другу выражает не только формула: «человек человеку — волк», но и формула: «человек человеку — бог». Фейербах не допускает возможности объединения людей в общество, если бы истину выражала первая, а не вторая формула.

Оставаясь идеалистом в понимании общества, Фейербах не мог понять, что причиной объединения людей в общество являются не сердечные отношения, не любовь их друг к другу, а способ добывания ими материальных благ жизни. Чтобы жить, люди должны добывать средства к жизни, должны производить. Но они не могут производить, не соединяясь соответствующим образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью.

Фейербах не понимал этого. Во всех отношениях между людьми он видел только одну сторону — мораль. Но и нравственные отношения он понимал натуралистически и антропологически. Он объяснял их, исходя лишь из биологической природы людей, абстрагируясь от конкретно-исторических условий их общественной жизни, от производственных отношений, от общественной революционной практики. Энгельс писал о морали Фейербаха, что она выкроена для всех времен и состояний и потому неприложима нигде и никогда.

Критикуя и отсекая идеалистические и религиозно-этические наслоения в философии Фейербаха, развивая и углубляя «основное зерно» материализма Фейербаха, Маркс и Энгельс распространили материализм на познание истории человеческого общества, создали материалистическое понимание истории.

После того как Маркс и Энгельс разработали диалектический и исторический материализм, философия Фейербаха, являвшаяся в свое время духовным ферментом прогрессивных

общественных движений, утратила былое значение. Немецкая буржуазия отвернулась от Фейербаха уже во время революции 1848 года, но немецкий рабочий класс и его марксистско-ленинская партия чтят память Фейербаха, используют прогрессивные идеи из его духовного наследства в борьбе против современной реакционно-идеалистической философии. Прогрессивная общественность Германской Демократической Республики отметила в июле 1954 года 150-летие со дня рождения мыслителя. Теоретический журнал Центрального Комитета Социалистической Единой Партии Германии «Einheit» («Единство») отметил эту дату специальной статьей, характеризующей историческую роль Фейербаха. Газета «Neues Deutschland» («Новая Германия») — орган ЦК СЕПГ — писала в день юбилея 28 июля:

«В последние годы своей жизни Фейербах приблизился к рабочему движению и стал членом нюрнбергской секции социал-демократической рабочей партии. Когда он умер, 12 сентября 1872 года, за его гробом следовали многие тысячи рабочих из Нюрнберга, Фюрта и других франкских городов со своими красными знаменами. Они чтили в Фейербахе решительного материалиста и атеиста, предшественника философского материализма Маркса и Энгельса».

60 коп.

КОНСТАНТИНОВ Ф.— **Народная республика Болгария.** Изд. 2-е, испр. и доп. Географгиз. 1952. 111 стр. (У карты мира). 1 р. 95 к.

КУЗНЕЦОВ А.— **Новый Китай.** Госполитиздат. 1952. 152 стр. 1 р. 75 к.

МАСЛЕННИКОВ В.— **Монгольская Народная Республика на пути к социализму.** Госполитиздат. 1951. 176 стр. 1 р. 90 к.

МУРЗАЕВ Э. — **Монгольская Народная Республика.** Изд. 2-е, доп. Географгиз. 1952. 472 стр. + 4 карты. 13 р. 30 к.

Общая программа Народного политического консультативного совета Китая. Госполитиздат. 1950. 24 стр. 18 к.

ПЕТРУШОВ А.— **Социалистическое строительство в сельском хозяйстве европейских стран народной демократии.** Госполитиздат. 1951. 252 стр. (Академия наук СССР. Институт экономики). 3 р. 80 к.

Книги можно приобрести в магазинах книготоргов, а также выписать по почте через отделы «Книга—почтой».

ГЛАВКНИГОТОРГ

